

* * *

Здравствуй, мама!
Жизнь – как телеграмма:
зпт, зпт, тчк.
Посмотришь в окно с утречка –
хрустит бумага в пальцах жухлых,
тянутся чёрные строки, но – ух как –
хочется между строк
прочесть и иной итог –
увидеть обычное чудо –
не то, что в треугольнике прячут Бермуды,
не то, что срежиссировал фокусник,
и даже не ворованный воздух,
втянутый бронхами особого свойства,
а просто –
блистательный мир,
где среди всех его язв и дыр
есть вечно открытая дверца
для живущего нараспашку сердца...

Здравствуй, мама!
Сколько ни мыла ты раму –
льнут к ней пыль да зола,
и разводы на стёклах, знать,
останутся признаком несовершенства.
Впрочем, солнце по кругу шествует –
работает механизм –
несмотря на лязг, а порою на визг –
даёт нам силы свои центробежные.
Солнце – хлеб, испекли – не режьте его,
при этом не обнеся никого
за общим столом и молоко
подливая в белые кружки.
Вроде, теплей. Помню: вчера была стужа –
сегодня вон как
буйна листва и пичуга щебечет звонко...

Здравствуй, мама!
Да, я всегда был упрямым –
у меня и волос такой –
не пригладишь рукой...
Но повод упрямства – любовь,
любовь к тому, что до треска лбов
старается стать осмысленным,
любовь к цветению против шерсти – с риском
осыпаться в пух и прах,
любовь к пространствам, в которых – ах! –
можно кануть и выплыть
зеркальным карпом, а это уже есть выбор.

Любовь, любовь, любовь...
Мама, хочется обратиться вновь –
услышать твой голос,
почувствовать крови зов,
пока это счастье не расколосось,
переместившись в сон...

* * *

Я маленький –
я не умею плавать,
читать, писать,
кататься на коньках
и на велосипеде,
компьютер для меня ещё загадка,
хотя надежды нет,
что лишь пока.
Я не умею
выбирать друзей,
летать подобно птицам,
верить людям,
так строить из песка,
чтоб на века,
иголку находить в стогу
без помощи магнита
и электронных чудо-агрегатов,
шить из крапивы
модные рубашки,
варить для ресторанов
суп из топора...

Я маленький –
мне не дано ещё
спасать миры
и строить бизнес-планы,
большую зашибать деньги –
да и копейки не поднять ещё, пожалуй,
с тропинки пыльной,
не дано познать
судьбу вразрез,
стезю – в анфас и в профиль,
природу – даже незатейливых вещей,
как тёртую науку соответствий...

Я маленький –
и Гоголя шинель
так скроена по мне,
что сердцу тесно,
и хочется стать серым воробьём
среди сплетений проводов

и чёрных веток.
Я не умею
быть на высоте –
смотреть оттуда правоверными очами,
в которых центр тяжести – прицел.

Я маленький –
я меньше муравья
на пальцах,
что срывают землянику
с зелёных стеблей.
Вырасту ль,
смогу ль
сравняться с кем-нибудь,
поднявшимся до роста
взирающего сверху человека?

Взросление души –
игра теней,
и в каждом случае –
попытка доказать
себе же самому,
что детство –
это робкий опыт
уже освоенного реализма,
но со двора зовут,
и снова ждёшь,
что на десерт получишь
дольку сказки...

* * *

Вспоминается Балаклава:
давнее лето – ещё ни гроз, ни войны,
листьев зелёная лава,
у пристани – плеск волны,
лодки – будто гондолы –
не по виду – по сути, руины
средневековых башен, долго
служивших здешним воинам-властелинам,
тихая бухта с итальянским подтекстом,
ресторанчики рыбные, кошки вдоль пирса –
и так хорошо-хорошо – словно в детстве,
когда мы из сказок ещё не выросли.

Смотришь на фотографии –
греет душу солнечный зайчик.
Пусть не озеро Чад с изысканными жирафами,
но всё-таки однозначно –
обетованный угол –
в тени цивилизации,
сшивающей грубо
стальными пальцами
рваные кромки реальности –
лишь бы прочно держалось.
Горизонты к ночи алыми станут,
да не все открытыми – вот жалость...

Жили у заезжих художников
в маленьком домике.

Делали овощное рагу, по прихोजей
разнося ароматы и доверху
наполняя бокалы крымским.
Смотрели «Золотого телёнка»
в парке: мы – два туриста
и киномеханик-бармен, а вдалеке тусовка
фальшивила под караоке,
темноту будоража огнями.
Наблюдали, как летучие мыши ловко
мельтешат то и дело над нами...

Когда это было?
Эффект выпавшей на пол закладки.
Помню лишь: бурые пряди ила,
виноград – приторно-сладкий,
наслоение разных эпох,
мозаика сотен этносов
и над скалами – лучезарный бог,
шепчущий: и вот это вам – вот это всё...

* * *

Вокруг – то стройки,
то – парки,
то – крылья сойки,
то – утиль в мусорном баке...
Город растёт –
катится сквозь березняк
на шариках-роликах, евроремонт
проповедует – шпатель доступных благ.
В экологически безопасной
зоне. Здесь можно выгуливать пса,
в ста метрах от дома жарить колбаску
и шашлыки, разглядывать небеса,
а в них – воздушного змея,
собирать луговые цветы,
на семнадцатом этаже имея
вид на эти луга с высоты...

Выключатель – вкл/выкл,
считалочка – шипел-мышел,
ночью темно – хоть веткою фару выколи,
а всё же сам – почти Пришвин,
убаюканный соловьями.
Окраина – окарина –
свистелка, что ветер славит,
ласкающий кроны игриво.

Но лет через двадцать
небось – заборы, заборы,
ограды, бетонные резервации,
лета зелёные коридоры,
подстриженные под ноль
газонокосилкой, пыли серая моль,
столбы – оси времени, орды
автомобилей, инфраструктура,
где б человек звучал гордо,
поднимая себя со стула...